

Свадьба Волошина с Сабашниковой. Москва, 12 апреля 1906 г.

обучать верховой езде и кувыркам под бодрое «алле-оп-ля!». Остальные знания: по истории, географии, геологии, ботанике, лингвистике — мальчик должен был впитывать из самого крымского воздуха. Затем-то Елена Оттобальдовна и оставила сначала Киев, потом Москву: она считала, что Крым — лучшее место для воспитания сына. Тут тебе и горы, и камни, и античные развалины, и остатки генуэзских крепостей, и поселения татар, болгар, греков... «Ты, Макс, продукт смешанных кровей. Вавилонское смешение культур как раз для тебя», — говорила мать. Она приветствовала интерес сына к оккультизму и мистике и несколько не огорчалась, что в гимназии тот вечно оставался на второй год. Один из учителей Макса сказал ей: «Из уважения к вам мы будем учить вашего сына, но, увы! Идиотов мы не исправляем». Елена Оттобальдовна только усмехнулась. Не прошло и полугодика, как на похоронах того самого учителя второгодник Волошин декламировал свои чудесные стихи — это было первое его публичное выступление...

Официально замуж Елена Оттобальдовна больше не вышла: говорила, что не хочет превращать Макса в чужого пасынка. Зато каждое утро уезжала на длительные прогулки в горы с неким стройным всадником. Вернувшись, призывала Макса к обеду, дун в жестяную трубу. Казанок с водянистым отваром капусты, оловянные ложки, простой деревянный стол без скатерти на террасе с земляным полом — отсюда был виден весь Коктебель. Слева — мягкие очертания холмов, справа — скалистая горная гряда Карадага... Ветра и время высекали на одной скале чей-то бородатый профиль. «Что это за человек увековечен так монументально, мама?» — гадал юный Макс. «Не знаю, но, наверное, этот человек того стоит!»

Прошло несколько лет, Макс возмужал и отпустил в точности такую же бороду. Правда, многие считали, что он сделал это в подражание Карлу Марксу. Волошин был в то время студентом юридического факультета Московского университета и участвовал в студенческих волнениях.

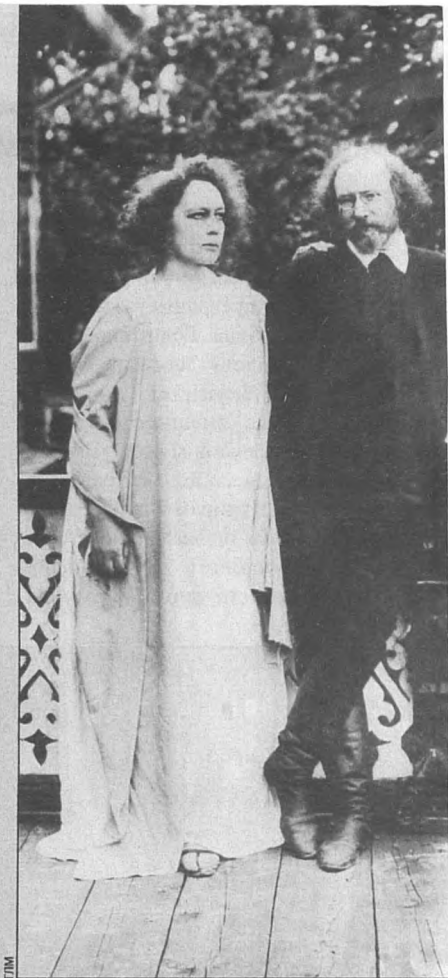
Однажды он даже угодил в тюрьму и от нечего делать часами распевал стихи собственного сочинения. Жандармы вызвали Елену Оттобальдовну, допрашивали о причинах веселости сына. Она сказала, что Макс всегда такой, и жандармы посоветовали скорее его женить. А вскоре Волошин действительно встретил свою будущую жену — Маргариту Сабашникову.

ЖЕНА ИЗ АЛЕБАСТРА

В кругу богемы ее звали Аморя, но все же она не могла считаться вполне богемной барышней. Одевалась, во всяком случае, в строгие юбки и английские блузы с высоким воротником. И не имела любовников. Может быть, ей просто не хватало смелости... Она только что вырвалась из дома своего отца, богатого чаеоторговца, чтобы посвятить себя живописи. Грезил о безграничной свободе, испепеляющих страстях.

Воплощением всего этого Аморе оказался Макс с его немислимыми нарядами и вечными провокациями. Его же подкупили ее золотые ресницы и чуть ощутившая «бурятчинка» (Аморя гордилась, что ее прадед был шаманом, и всюду возила с собой его бубен). Роман начался в Париже — оба слушали лекции в Сорбонне. «Я нашел ваш портрет», — сказал Макс и потащил Аморию в музей: каменная египетская царевна Таиах улыбалась загадочной Амориной улыбкой. «Они слились для меня в единое существо», — говорил друзьям Волошин. — Приходится делать над собой усилие, чтобы поверить: Маргарита — из тленных плоти и крови, а не из вечного алебаstra. Я никогда еще не был так влюблен, а прикоснуться не смею — считаю кощунством!» «Но у тебя же хватит здравомыслия не жениться на женщине из алебаstra?» — тревожились друзья. Но Макс слишком любил свой Коктебель! Он пересылал туда все, что, на его взгляд, стоило восхищения: тысячи книг; этнические ножи, чаши, четки, кастаньеты, кораллы, окаменелости, птичьи перья... Словом, сначала Макс отправил в Коктебель копию с изваяния Таиах, а потом...

...Обвенчавшись, сели на поезд. Трое суток до Феодосии, потом — на извозчике по кромке моря. Подъезжая к дому, Маргарита увидела странное бесполое существо в длинной холстяной рубахе, с не-

Вячеслав Иванов с женой Лидией Зиновьевой-Аннибал. 1906 г.

покрытой седой головой. Оно хриплым басом поприветствовало Макса: «Ну здравствуй! Возмужал! Стал похож на профиль на Карадаге!» — «Здравствуй, Пра!» — ответил Волошин. Маргарита терялась в догадках: мужчина или женщина? Кем приходится мужу? Оказалось, матерью. Впрочем, обращение «Пра», данное Елене Оттобальдовне кем-то из гостей, шло ей необычайно.

Макс и сам, приехав домой, облачился в такой же хитон до колен, подпоясался толстым шнуром, обулся в чуваки, да еще и увенчал голову венком из полыни. Одна девочка, увидев его с Маргаритой, спросила: «Почему эта царевна вышла замуж за этого дворника?» Маргарита смутилась, а Макс залился счастливым смехом. Так же радостно он смеялся, когда местные болгары пришли просить его надевать под хитон штаны — мол, их жены и дочери смущаются.

В Коктебель потянулись богемные друзья Макса. Волошин даже придумал для них имя: «Орден Обормотов» — и на-